
Л И Т Е Р А Т У Р А.

А.
П. Р. О. З. А.

~*~*~*~
П А Р И З И Н А,

Историческое произшествіе.
(Изъ Лорда Байрона).

I.

Наступилъ часъ, въ который соловей
начинаетъ оглашать роци пѣснями; лю-
бовники тихо шепчуть нѣжные объѣты.
Дыханіе зефира, журчаніе водъ погружа-
ютъ въ сладкія думы уединеннаго мечта-
теля; цвѣпки напаяются легкими капля-
ми росы; зажигаются звѣзды на твер-
ди, отражающей лазурь свою въ источ-
кѣ. Цвѣшь листьевъ древесныхъ тем-

нѣтъ; небеса представляютъ смѣшеніе свѣта и тьмы — пріятный сумракъ, сонупствующій склоненію дня и предшествующій первымъ лучамъ солнца.

II.

Не слушаютъ ли шума водопадовъ выходитъ Паризина изъ палатъ князей Эспа? Или спшитъ любоваться яснымъ небомъ посреди мраковъ? Нѣтъ, она не внимаетъ соловью, хотя слухъ ея устремленъ къ звукамъ столь же пріятнымъ. Кто то пробирается сквозь густую листвевъ: она блднѣтъ; сердце бьется скорѣ; тихій голосъ ея призываетъ; румянецъ выступаетъ снова; сердце замираетъ. Еще минуша — и они вмѣстѣ; еще мгновение — и любовникъ у ногъ ея.

III.

Какая нужда имъ до свѣта и до переменъ непостояннаго времени? Равнодушны, какъ умершіе, ко всему, что ихъ окружаетъ, что подъ ногами и надъ головою, они дышатъ только другъ для друга.

Самые вздохи исполнены сладости. Упоение споль велико, что если бы пламень, ихъ оживляющій не истощался, то истребилъ бы сердца, въ кошорыхъ пылаеть.

IV.

Съ помносною во взорахъ удаляюцца они ошь благошворной сѣни, въ надеждѣ новаго свиданія; клянутся, грусшятъ, какъ бы распавались навѣки. Луна освѣщаетъ лице Паризины: шяжелые вздохи, продолжительныя объяшя, усна соединенныя, все удерживаетъ любовниковъ на мѣстѣ свиданія. Нодожно разлучиться. Сердца ихъ замираюшь, хладный шрепешъ разливаешся по членамъ.

V.

Тугесть бросаешся на уединенное ложе, куда пламенныя желанія еше призываютьъ супругу другаго. На груди довѣрчиваго Азо покоишся Паризина; но лихорадочное содраганіе возмущаетъ сонъ ея. Мечшы, волнующія душу, разливаютьъ въ щекахъ яркой румянецъ; она повторяеть

имя, котораго днем произнести не смѣешь, и прижимаетъ супруга къ сердцу, бьющемуся для другаго: онъ пробуждается при нѣжныхъ ласкахъ, воображая себя счастливымъ; думаетъ, что можешь еще внушить нѣжность и вздохи; въ заблужденіи своемъ готовъ плакать отъ любви надъ пою, которая, кажется, и во снѣ его обожаетъ.

VI.

Онъ цѣлуетъ Паризину и внимаетъ ея прерывныя рѣчи: онъ слышитъ смертный ужасъ объемлетъ князя Азо: не сполько спрашенъ звукъ трубы, долженствующей потрясти гробницу его и призвать предъ судъ Вышняго, сколь ужасенъ голосъ супруги въ сіи минуты. Конецъ земному его счастью! Имя, повторенное Паризимою, возвѣщаетъ ея преступленіе и спыдъ Азо. Чье же имя слышится на ложѣ его, поражаетъ душу подобно ревущей волнѣ, бросающей на берегъ ушлый челнокъ и разбивающей о камень несчастнаго пловца? Чье имя? . . . Гугеса, его сына; сына шой, которую

любилъ онъ въ юности — легковоѣрной Бланки, предавшейя обольщеніямъ князя, который не могъ бытъ ея супругомъ.

VII.

Азо хвапаетъ кинжалъ — и снова опускаетъ его въ ножны. Она не доспойна жить: но можетъ ли онъ убить женщину прелеспную, которая во снѣ улыбається? Онъ не хочетъ даже разбудить ее, но такъ смотришь, что взоры его поразили бы Паризину ужасомъ, еслибъ, проснувшись, увидѣла при свѣтѣ лампы чело, орошенное попомъ ярости. Паризина умолкла, однакожь спитъ еще и не знаетъ, что дни ея сочпены, и конецъ ихъ близокъ.

VIII.

Съ возвращеніемъ утра Азо вопрошаетъ всѣхъ живущихъ въ замкѣ — и доказательства, слишкомъ явныя, открываютъ ему то, чего онъ узнать боишься. Все возвѣщаетъ слабость Паризины и собственный его позоръ. Невольницы

княгини, долгое время способствовавшия ей невѣрности, избѣгаютъ заслуженнаго наказанія, слагая на госпожу все преступленіе; и когда оно перешло бытъ тайною, не забываютъ ни одного обсплетельства, могущаго утвердить справедливость ихъ показаній. Сердцу Азо не въ чемъ болѣе сомнѣваться.

IX.

Онъ не любитъ медленія. Поцмонокъ древнихъ князей дома Эсповъ, на пронѣ въ палатѣ совѣща, окруженный придворными и стражею, велишь привести предъ себя преступниковъ. Оба они въ цвѣтѣ лѣтъ; никто не можетъ равняться съ ними красою. О Боже, должно ли, что бы сынъ являлся предъ опцемъ обезоруженъ и окованъ? Въ шакомъ видѣ Гугесъ приведенъ предъ гнѣвнаго Азо выслушать приговоръ смерти. Видъ его не показываетъ робости, хопя успа хранящъ молчанье.

X.

Безгласна какъ и онъ, блѣдная Паризина спокойно ожидаетъ своего осужде-

нія. Какъ перемѣнилась та, чьи вырази-
 тельные взоры разливали веселіе въ чер-
 погахъ, копорой вельможи съ такою рев-
 носцію старались прислуживать, краса-
 вицы подражашь голосу, поступкамъ и
 прелестямъ своей повелительницы! Ахъ,
 еслибъ въ то время глаза сіи прослезил-
 ься, пысячи бы мечей возблиспали,
 пысячи воиновъ явились; каждый спор-
 рилъ бы о чести бытъ мстителемъ ея
 обиды! Какая перемѣна! Можетъ ли она
 повелѣвать? И станушь ли ей повино-
 ваться? Всѣ наблюдають глубокое мол-
 чаніе: глаза опущены; сдвинуты брови;
 сложены на груди руки; уста едва удер-
 живаюцца олъ негодованія: позорище у-
 жасное представляють рыцари, женщины,
 всѣ придворные. Юный герой, избранный
 Паризиною, носивщій нѣкогда преклонен-
 ное копье предъ нею, и копорый, не
 скованный, освободилъ бы ее не щадя
 жизни, обожаемой любовникъ княгини,
 подлъ нея, обремененъ цѣпями. Онъ не мо-
 жель видѣшь глазъ прелестныхъ, про-
 ливающихъ слезы, не о своемъ, но о его
 несчастьи.

XI.

Гугесъ плакалъ бы съ нею: но на него обращены взоры присутствующихъ. Печаль его безмолвна; лице мрачно и горделиво. Онъ стыдится мысли показаться слабымъ предъ толпою и не смѣетъ воззрѣть на Паризину. Воспоминаніе дней протекшихъ, любовь, настоящее несчастье, гнѣвъ отеческій, презрѣніе людей добродѣтельныхъ, участь его на землѣ и на небѣ, но наиболее участь предмета любви незаконной занимають его душу. Осмѣится ли обратить взоры на чело, печатію смерти обезображенное? — Нѣтъ; ибо иначе не скрылъ бы жалости и угрызений раскаянія.

XII.

Азо начинаетъ: „еще вчера, говоритъ онъ, гордился я супругою и сыномъ. Сновидѣніе исчезло сего утра — и прежде, нежели исчезнешь день, у меня не будетъ ни жены, ни сына. Я осужденъ къ жизни одинокой и злополучной. И такъ пусть жребій мой исполнится: не я разрываю

узель, насъ связующій. Но приговоръ произнесенъ; казнь приуготовляется. Гугесь, служитель вѣры тебя ожидаетъ; ты получишь награду за твои пресупленія. Прощай, обратись къ небу, еще имѣешь время для примиренія съ Богомъ. Его только милосердію возможно свое помилованіе; на землѣ же нѣтъ мѣста, на комъ бы могли мы дышать однимъ воздухомъ. Я не увижу твоей смерти, но ты, невѣрная супруга, будешь свидѣльницею казни. Прости, вѣроломная! Не я — ты проливаешь кровь Гугесову; переживи, если можешь, позорище казни! Наслаждайся жизнью, которую тебѣ оставляю!“

XIII.

При сихъ словахъ лице Азо помрачается. Напряженные на челѣ жилы бьются сильно. Онъ опускаетъ голову, шепещущею рукою закрываетъ глаза, чтобы не обнаружилъ слабости. Гугесь подьмлетъ къ нему окованныя руки и проситъ позволенія отвѣчать: Князь молчитъ; но не прерываетъ словъ его.

„Не боюсь смерти, вѣщаетъ юноша;

ты видѣвъ, какъ я сражался подлѣ тебя,
 не лицезно: врацалось въ рукѣ моей убій-
 сивенное желѣзо, оспняющее швоею спра-
 жею; оно пролило за тебя болѣе крови,
 нежели крольешься на моемъ эшафотѣ:
 Ты давай мнѣ жизнь и можешь оспнать
 ее: не благодарю за сей подарокъ. Я не
 забылъ еще несчастій моей матери, ея
 любви; презрѣнной тобою, безчестна и
 сныда, оспавленнаго мнѣ въ наслѣдство.
 Она сошла во гробъ, куда съязъ швой и
 соперникъ идешь съ нею соединишься.
 Сердце ея, разшерзанное тобою, моя го-
 лова, оспвченна швоими палачами, бу-
 душъ свидѣтельствовашъ въ царствѣ
 мершвыхъ нѣжную вѣрность первой шво-
 ей любви и горячность родительскую.
 Правда, я оскорбилъ тебя; но это была
 обида за обиду. Новая швоя супруга,
 вшорая жершва швоей гордости, была
 мнѣ назначена. Ты увидѣлъ ее, павнился
 красошою и, ругаясь рожденіемъ моимъ,
 когго вина лежишь на тебѣ совершенно,
 не почель меня досшойнымъ: получишь
 руку Паризины. Въ самомъ дѣлѣ, я не
 могъ наслѣдовать швоего имени, не могъ

*

взойти на престолъ князей швоего поколѣнія; но еслибъ оставили мнѣ еще нѣсколько лѣтъ жизни, я сдѣлалъ бы изъ свое славнѣе имяни Эсповъ, приобрѣлъ бы почести саммъ собою. У меня былъ мечъ . . . и сердце; ими бы я заслужилъ шлемъ, шполь же почешный, какъ и шлемы, украшавшіе князей швоего рода. Не всегда благородные заслуживаютъ блестящіа шпоры: мои же часто поуждали коня опережанъ князей самага высокаго произхожденія, когда я выдался на непріятеля, провозглашая Эсна и побѣду.“

„Не хочу оправдываться; не хочу выпрашивать ошсрочки на нѣсколько дней, даже на нѣсколько часовъ, шогда, какъ цѣлая вѣчность должна возмечь надъ моимъ прахомъ.“

„Пропекціе дни моей жизни, дни несчастія, не могли бытъ продолжительны. Имя и рожденіе мое позорны и гордоснѣ швол ошвергаетъ меня. Однако въ моихъ чертахъ познаютъ швол; швол кровь въ моихъ жилахъ; у меня швол нравъ кипяцій. Для чего шы шрепещеть?“

Такъ, опъ тебѣ получилъ я дрѣпосль
 руки и пылкосль сердца. Не жизнь одну
 ты далъ мнѣ — все, что велишь мнѣ
 называешь тебѣ опцомъ своимъ. Вопль,
 что произвела своя прескупная любовь:
 небо послало тебѣ сына, слишкомъ опцу
 подобнаго. Что же до жизни, шобою мнѣ
 данной и шобою опъемлемой, я доро-
 жилъ ею сколькоже какъ и ты, когда,
 надвинувъ шлемы свои, мы бросались въ
 ряды непріятелей. Прошедшее исчезло,
 будущее (ольется съ прошедшимъ. Для
 чего небу не угодно было тогда окон-
 чить дней моихъ! Ты причинилъ нес-
 частіе моей матери, похитилъ супругу,
 мнѣ назначенную, ты мой опецъ; но при-
 говоръ твой справедливъ, сколь ни ужа-
 сенъ. Я сынъ прескупленія, умираю со-
 спыдой; конецъ моей жзни таковъ же,
 какъ и начало. Прескупокъ сына произ-
 ходишь опъ прескупка опца: ты нака-
 зываешь оба во мнѣ одномъ. Предъ людь-
 ми я кажусь совершенно виновнымъ; но
 одинъ только Богъ можетъ справедливо
 судить насъ. “

XIV.

Сказаль, и пшжкiя — цвпи загремвм на рукакъ его; звуки: си печально пошозвались въ сердцахъ собранныхъ вассаловъ. Но прелесли Паризины, обращающъ на нее общее вниманiе. Моталъ она равнодушно выслушашъ ириговоръ надъ любезнымъ? Неподвижны взоры ея; прекрасные глаза незакрышы, но шускды и мершвенны; по времянамъ шолько кашпашся крупныя слезы. —

Она хочешъ говорипъ и звуки голоса, замирая на ушпахъ, издающъ вздохъ, подобный вздоху смершному; еще силмшся выговорипъ нъсколькы словъ: иризносипъ шпжкою шшонъ — и падаешъ, какъ изваянiе, опроверженное съ подножiя; она подобился болъе швлу, не имвшему никогда жизни, мрамору, представляющему супругу Азо, нежели прекрасной пресшупницъ, сердце кошорой ошдалось сшрасши виновной, но не могло перенесши слыда и опшчаянiя. — Она еще дышешъ: жеспокiя спаранiя извлекающъ ее изъ сей крапковременной смерши; но

разсудокъ ея помрачился. — Чувства умерли ошь сильныхъ движеній горести; въ душѣ ея рождаются шолько мысли ничложныя, смѣшныя, подобно шепивѣ лука, ослабленной дождемъ и посылающей невѣрныя снрѣлы. Памяшь прошедшаго для нея изчезла, будущее закрыпо мракомъ, повременамъ проясняющимся для шого шолько, чшобъ видѣшь весь ужась положенія. Такъ шочно въ бурную ночь молнii освѣцающъ пустыню заблудившемуся спраннику.

Съ шайнымъ ужасомъ чувешвуешъ она шяжкое бремя на сердць, охладѣшемъ и расперзанномъ; понимаешъ, чшо смерть должна поразитъ кого-шо, но кого... забыла. Она не живешъ; не чувешвуешъ ни земли подъ ногами, ни неба надъ собою; не знаешъ, окружающъ ли ее люди, или адскіе духи грозятъ своими взглядами шой, для кошорой улыбка разцвѣшала на всѣхъ лицахъ? Все шемно и неизьяснимо для ея души заблужденной; все казался ей смѣшеніемъ надежды и спраха; смѣась и плача попеременно, она подбился челошкву, погруженному

въ судорожной сонъ. Пусивъ же продолжи-
ся время его до пробужденія!

XV.

Колеблюся колокола оцъ повноря-
емыхъ ударовъ на сѣровашихъ монашыр-
скихъ башняхъ; гудишь мѣдъ звономъ
пропаяннымъ, попрысающимъ сердце;
слышна пѣснь отходная. — Для Гугеса
поютъ, для него раздается звонъ погре-
бальный. Близъ вѣчной своей шемницы
— могилы онъ преклоняетъ колѣни на
земль голой и холодной. Эшафотъ предъ
нимъ; справа вокругъ, и палачъ съ об-
наженными руками, готовясь поразить
вѣрнымъ ударомъ, пробуешь осприе по-
пора. Толпы увеличиваются; народъ спе-
кается въ мрачномъ уныніи видѣшь сы-
на, получающаго смертный ударъ по по-
велѣнію опца.

XVI.

Прекрасный лѣтній вечеръ склоняет-
ся къ шому времени, въ которое захо-
дитъ солнце; ему не надлежало бы освѣ-
щать дня, столь печальнаго. Последніе

лучи падають на голову Гугеса при окончаніи молишвы, когда онъ, оплакивая въ раскаяніи судьбу свою, преклонился для услышанія изъ успъ челоука Божія словъ священныхъ, могущихъ омытъ нечислошу грѣховную; въ сію минушу солнце, освѣщаєтъ русые его волосы, но болѣе блеститъ на смертоносной сѣкирѣ и ошражаєтся подобно грозящей молніи.

Сколь горестны сіи послѣднія минушы! Зришели леденѣють отъ ужаса .Велико пресупленіе, справедливъ законъ, но всѣ шрепещушь.

XVII.

Кончились молишвы сына вѣроломнаго, любовника ошважнаго. Чопки пересчишаны; грѣхи исповѣданы. Послѣдній часъ Гугеса удариль; срывають съ него одежду; русые кудри падають подъ ошпріємъ ножницъ. Перевязь, никогда его не оставлявшая, подарокъ Паризины, оплята у него; гошовался закрышь повязкою глаза; но нѣшь, обида сія не наметсєся челу горделивому. Чувствования, оживлявшія прежде покорившееся серд-

це, пробуждаются въ выраженіи глубокаго презрѣнія, когда рука палача приближается съ повязкою къ глазамъ, будшобъ они не смѣли взирать на смерть; онъ опвергаетъ унизительную повязку: „нѣтъ, говоритъ онъ, безспрашно разшанусь съ жизнію; мои руки связаны — по крайней мѣрѣ умру съ свободными глазами — руби!“ . . . съ этими словами кладетъ голову на плаху: „руби“ повторяетъ онъ — и роковой попоръ упадаетъ. Голова капится на землю; окровавленное шуловище опвалилось назадъ; кровь брызжетъ изо всѣхъ жилъ; глаза и губы еще движущся; но и сіе движеніе вскорѣ ушихаетъ.

Умеръ безъ ожесщоченія; преклонялъ колѣни и молился, не опвергая помощи, не опчаяваясь въ милосердіи Бога. Сердце его было чуждо всякой земной мысли, когда онъ обращался къ небу; ошець раздраженный, подруга несчастія — для него уже тогда не сущесщвовали. Не было жалобъ; не было опчаянія; душа наполнялась благочесщіемъ — успа произносили однѣ молишвы. Только предъ смерпнымъ

ударомъ вырвалось желаніе умереть съ незавязанными глазами, и слова сіи были послѣднимъ прощаніемъ къ свидѣтелямъ казни.

XVIII.

Онѣмъ вѣвъ, какъ шопъ, чья ушла за-
нечашлѣлись смертію, зрители едва ды-
щали; но опъ одного къ другому сооб-
щилось быстрое попрясеніе, когда упалъ
шопоръ на главу того, чья жизнь и лю-
бовь кончились такъ плачевно. Мгновен-
ное содроганіе оспановило внупри сер-
дце восклицанія скорби, гошовья испор-
гнушься. Ничто не нарушило мерп-
венной тишины, кромѣ удара сѣкиры.
Вдругъ воилъ опчаянія и ужаса разди-
раепъ воздухъ, вопль, подобный голосу
опчаянной матери, лишенной сына нео-
жиданнымъ пораженіемъ. Спрашныя спе-
нація несущя на небо, какъ выраженія
души, осужденной на вѣчныя спраданія.
Изъ палашъ Азо вырывающя вопли: об-
рацающя шуда взоры; но ничего невид-
но; ничего не слышно болѣе. Это былъ
голосъ женщины-- и опчаяніе не выража-

лось ужаснѣе. Да возмощесть оно умертвить несчастную: думаетъ каждый изъ сосрадашельныхъ зрителей.

XIX,

Погибъ Гугесъ, и съ той поры нигдѣ не видно Паризины, будшо не существовала. Никшо не произносишь ея имени, какъ слова, производящаго ужасъ и смяшеніе. Азо не упоминаешь ни о супругѣ, ни о сынѣ. Прахъ ихъ считается презрѣннымъ, по крайней мѣрѣ прахъ рыцаря, сраженнаго съкирой. Но участь Парицы безвѣсна, равно какъ и могила, въ кошорой плѣюшь ея останки.

Искала ли она убѣжища въ монастырѣ для примиренія съ небомъ, проводя дни въ слезахъ и раскаяніи—кинжалъ, или ядъ наказали заблужденія—или милосердію небесъ угодно было, чшобъ она кончила дни, пораженная зрѣлищемъ смерти любезнаго — не извѣстно, и останется пайной; но какова бы ни была участь ея въ мірѣ — жизнь ея началась и окончилась скорбію. —

Азо взялъ въ супруги другую и подьспаросшь върасшилъ сыновъ добродѣшельныхъ; но никто изъ нихъ не былъ мужеспвенъ, какъ опочившій во мракѣ гробницы; по крайней мѣрѣ опецъ взиралъ на дѣшей окомъ равнодушнымъ, испуская по времянамъ шяжелые вздохи; но никогда улыбка не проясняла чела, на коемъ дума провела раннія морщины — слѣды печали глубокой, знаки ранъ душевныхъ. Не было для него ни другихъ радосшей, ни другихъ скорбей. Ночью сонъ бѣжалъ его, грусшь помрачала дни. Нечувспвишельный къ норичанію и похвалѣ чуждался собспвеннаго сердца; но гореспки его не оспавляли; и въ шо время, когда казался онъ спокойнымъ опъ мученія воспоминаній, онъ сильнѣ его дресплѣдовали. Жеспочайшій мразъ покрываешъ льдомъ шолько поверхность рѣки: пекучая вода журчитъ и не переспашаетъ журчашъ подъ корою. Душа Азо не можешъ изгнашъ мрачныхъ мыслей: природа глубоко ихъ укоренила. Напрасно мы будемъ

удерживать слезы; напрасно заповоримъ
пушь ихъ печенію: не пролишыя воз-
вращающа къ своему источнику, остано-
вивша шамъ, и шѣмъ горестнѣе, тѣмъ
непримѣннѣй.

Азо часто укорялъ себя въ неволь-
ной жалости къ шѣмъ, которыхъ по-
спѣшность его осудила. Не возможно бы-
ло наполнить пустошы сердечной; не бы-
ло надежды встрѣшиться когда либо съ
предметами его скорби, даже шамъ, гдѣ
души праведныхъ соединяются. Со всѣмъ
убѣжденіемъ вины ихъ и собственнаго
правосудія несчастіе преслѣдовало его
до гроба.

Когда ослорожная рука опсѣкаетъ
поврежденныя опрасли дерева, оно гу-
спѣваетъ и украшается новою зеленью; но
если гроза въ яросши своей пожигаешь
шрепещущія вѣтви, тогда спшволь изсы-
хаетъ и не производишь болѣе лисшьевь.

Николай Бестужевъ.

Т Р У Д Ы
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО
ВОЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
Л Ю Б И Т Е Л Е Й
РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

~~~~~  
*Miser sum miserisque succurrere disco.*  
~~~~~

1822 годъ.

—
Ч А С Т Ъ XVII.

~~~~~
САНТ ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Императорскаго Воспи-
тательнаго Дома.
1822 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Е М Н А Д Ц А Т О Й Ч А С Т И .

І. Н А У К И.

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ.

	<i>Стран.</i>
1. Лѣтопись о Сибирстѣй спранѣ и о взятіи Сибири - - - - -	3 и 129.
2. Нѣчто о вліяніи Монголовъ и Татпаръ на Россію - - - - -	249.

ІІ. К Р И Т И К А.

1. Сашеры, Посланія и другія мѣлкія
спихошворенія Михайла Милонова - 35.
2. Ломоносовъ - - - - - 271.

ІІІ. Л И Т Е Р А Т У Р А.

А. П Р О З А.

1. Разборъ Синонимъ: *желать и хотѣть* 55.
2. ————— *правда и истина* 184.
3. ————— *общество и сословіе* 190.
4. Сивранспивованія Гармоніи и Поэзіи - 62.
5. Тьма - - - - - 159.
6. Новая Комедія - - - - - 163.
7. Паризина - - - - - 290.
8. О разговорѣ въ обществѣ - - 311.